

ШВЫРКОВ Александр Иванович — кандидат философских наук (Брянск; aishvyrkov@rambler.ru)

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МИФ, РЕАЛЬНОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТЬ?

Аннотация. В статье автор рассматривает возможность существования политологии как наднационального проекта. В настоящее время существуют только национальные политологии, причем наиболее развитая из них — американская. Наднациональная политология может появиться только в результате синтеза национальных политологий. Российская политология сегодня находится на начальном этапе своего становления, причем то, что чаще всего называют российской политологией, на самом деле является политологией американской. В силу этих обстоятельств эффективность применения политологических теорий в российских условиях сомнительна, а возможность интегрироваться в «мировую политологию» для российских политологов ничтожна.

Ключевые слова: политология, философия, национальные политологии, американская политология, российская политология

Начну с констатации довольно очевидного факта: чем абстрактней наука (раздел науки), тем она интернациональней, т.е. тем менее она привязана к стране своего происхождения; тем менее важны национальность и гражданство тех ученых, которые создают теории в рамках данной науки; тем меньше сказывается национальное происхождение на степени понимания тех или иных полученных в ее рамках результатов и тем меньше следов национальной, культурной принадлежности создателей этих теорий в самих этих теориях. Думаю, за примерами далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить, конечно же (и прежде всего), математику, многие разделы физики, химии, биологии. Философию также можно отнести к такого рода знанию.

Действительно, какая разница, кем был по национальности Кант? Как его национальность видна из «Критики чистого разума»? Я прекрасно могу понять, о чем он в ней говорит, я могу развивать его идеи, опираться на них в своих рассуждениях и т.д., даже не зная, где он родился и жил. И я скорее всего никогда не догадаюсь об этом по его произведению.

Кто-то мог бы возразить, что такой феномен, как Кант, мог возникнуть только на немецкой почве, вполне к месту упомянуть классическую немецкую философию и т.д., и т.п. И был бы совершенно прав. Но проблема в том, что ему пришлось бы долго и многоречиво это доказывать: приводить исторические факты, восстанавливать культурный и событийный контекст появления этого феномена, «погружаться» самому и погружать читателя/слушателя в «дух эпохи» и т.д. Однако из самого произведения Канта (или, точнее, чтобы уж никто не придрался, — из основных его идей) никак не следует, что он был немцем, жившим в XVIII столетии и, главное, вовсе и не надо это знать, чтобы понять, что то, о чем он писал, действительно имеет смысл, что это действительно разумно.

Естественно, далеко не каждая философская система такова, что национальностью (или даже личностью) ее творца можно пренебречь. Наверное, не таковы многие воззрения Н. Бердяева, В. Соловьева или С. Булгакова (хотя, безусловно, далеко не все). Почти всегда в ней можно выделить «национально-исторически-личностный» блок и блок, так сказать, общечеловеческий, т.е. уровень, на котором можно оперировать без постоянного обращения к национальному. Причем на этом уровне равные права имеет и русский, и немец, и француз, и китаец.

То, что некое знание является абстрактным, еще не означает, что оно общезначимо. Или по-другому: то, что некая теория является абстрактной, еще не гарантирует того, что она является *общей*.

Это хорошо видно как раз на примере философии. По своей структуре философия — это совокупность самых разных теорий (многие из которых совершенно несовместимы). Эти теории абстрактны, многие — в максимально возможной степени. При этом не существует «общей философии», т.е. теории (набора теорий), которая бы признавалась всеми философами. Невозможно же это потому, что философское знание принципиально неverifiedируемо, т.е. истинность тех или иных философских положений не может быть проверена на некоторой достаточно полной выборке.

Таким образом, философские теории являются абстрактными, но не являются общими. Наоборот, в конкретных науках абстрактная теория всегда будет общей: вне зависимости от происхождения того или иного закона, он всегда проверяется на достаточно большой выборке.

Какое место в этом спектре наук занимает политология? Какова в ней массовая доля национального и общезначимого, т.е. сколько в ней *абстрактного* (или *общего*)?

Здесь важно понимать два принципиальных момента.

1. Поскольку иметь детальные представления о политическом устройстве различных человеческих обществ (часто находящихся на разных континентах), а также проблемах, из этих устройств проистекающих, невозможно в силу очевидных физических ограничений, постольку теории, создаваемые учеными той или иной страны, будут в первую очередь касаться положения дел именно в этой стране. Причем вне зависимости от степени осознанности этого факта ученым, создающим теорию.

2. Политические устройства разных стран могут существенно отличаться друг от друга.

Это последнее утверждение, очевидно, основано на конкретных наблюдениях, т.е. оно не априорно.

Учитывая эти два момента, а также то, что некая «общая» политология — если таковая вообще возможна — должна быть результатом обобщения «частных» политологий, становится понятным, что создать политологическую теорию, которая была бы в достаточной мере абстрактна, чтобы ее с уверенностью можно было применять к анализу различных обществ, довольно проблематично.

Против этого вывода и вообще всей схемы рассуждений, к нему приводящей, возможно следующее возражение: поскольку политология в значительной степени укоренена в философии, можно помыслить ситуацию, когда общая политология выводится не из частных политологий, а из некой абстрактной философской теории.

Однако это возражение достаточно легко отбить.

Во-первых, указанием на то, что из абстрактной, *но не общей* теории (каковой является любая философская теория) вряд ли можно вывести теорию общую (по крайней мере, возможность такого вывода далеко не очевидна).

Во-вторых, указанием на то, что из философской теории конкретно-научная теория в принципе не может быть выведена непосредственно: между философской теорией и теорией политической всегда существует промежуточное звено — конкретная политическая практика. Политическая же практика всегда с необходимостью национально специфична (см. выше). И мы снова возвращаемся к тому, с чего начали, т.е. к невозможности «перепрыгнуть» через национальную «ступеньку».

Подытожу. Специфика политологии как науки такова, что она всегда по факту, т.е. вне зависимости от устремлений и представлений ученых, ею занимающихся, является *чисто местным, национальным проектом*. Возможность же перенесения,

распространения национальных теорий на другие общества априори не очевидна и, вообще говоря, должна быть показана.

Таким образом, наши рассуждения позволяют поставить под сомнение традиционное представление о политологии и сделать смелое предположение о том, что политологии как науки в таком, традиционном, смысле не существует (даже в таком, в котором мы понимаем историю) — по крайней мере, в настоящее время.

Что же тогда существует? Существует некоторое множество различных (чаще всего национальных) политологий. Эти политологии вполне могут разделять общий терминологический аппарат, некоторые теоретические подходы и методы, однако по сути они являются существенно различными корпусами знаний (теорий). Возможно также, что в настоящее время более-менее консолидированным является только тот корпус теорий, который был создан американскими (максимум — англосаксонскими) политологами. Другие же политологии — только на пути к той степени насыщенности теориями и консолидации, которой достигла американская (англосаксонская) политология.

Кто-то мог бы сказать, что то, что политология начала по-настоящему бурно развиваться в США, вовсе не значит, что в других странах ее развитие не могло быть продолжено, что исследования, проводившиеся и проводимые в других странах, не могли «достраивать» американскую политологию, развивать ее, пересматривать и перетолковывать те или иные ее постулаты, методы и пр. Что именно так любая наука и создается, и политология здесь вовсе не исключение, и что эта «достроенная» американская политология уже не американская, а *просто* политология.

Насчет этих возражений хочу заметить следующее. Для того чтобы они были справедливы, необходимо, чтобы политическое устройство «страны-продолжателя» изначально было существенным образом сходно с устройством страны, в которой возникла некая исходная политологическая теория (теории), иначе данная теория просто не найдет там отклика. Однако проблема в том-то и заключается, что помимо американской политической системы существует масса других политических систем, с нею совершенно не сходных — более того, упорно не желающих становиться на нее похожими, даже после заимствования многих западных — и американских в т.ч. — политических институтов. То есть, «продолжить» американскую политологию просто не получится — и мы возвращаемся к тому, с чего начали, а именно к необходимости признать существование *нескольких* (в основном национальных) политологий.

Что касается иллюзии того, что политология как наука едина (или, лучше сказать, единственна), то она может проистекать из совокупного действия таких двух факторов: 1) слабости или отсутствия «местной» политологии и 2) экспансии этой самой американской политологии (вкуче с экспансией американских политических институтов, которая по справедливости может считаться третьим фактором, а по значимости, возможно, — первым).

При отсутствии какой-либо четкой альтернативы китаец, россиянин или грузин вполне могут считать, что занимаются политологией вообще, хотя на самом деле они занимаются *американской* политологией.

Теперь конкретно о российской политологии или, точнее, о *возможной* российской политологии. Начну с того, что я ни в коем случае не подразумеваю под таковой.

Я ни в коем случае не подразумеваю под российской политологией еще одну служанку правящего (или возможного правящего) режима. Как кажется, некоторые официальные мероприятия, на которых речь шла о российской политологии, подразумевали именно такую политологию.

Естественно, я ни в коей мере не призываю отказываться от достижений современной западной политологии, в частности от теории демократии. Как известно, в некоторых околонучных (или околополитических) кругах сегодня распространен взгляд на демократию как на нечто вроде заразы, занесенной к нам с Запада¹ [Швырков 2015]. Непосредственное следствие этого – стремление кинуться в объятия некоей разновидности авторитаризма.

Я также ни в коем случае не призываю увлекаться чем-то вроде *case-study* местных российских реалий. В этом случае российская политология уж точно не сможет конкурировать с западной.

Может возникнуть вопрос, как последняя рекомендация сочетается с призывом создать оригинальную российскую политологию? Ответить на этот вопрос довольно просто. Чаще всего такие *case-study* ограничиваются минимумом обобщений и представляют собой, как и следует из их названия, описания единичных случаев. То есть, никакой оригинальной теории там не может быть в принципе. Вероятно, именно поэтому в западном политологическом журнале скорее примут посредственно сделанную *case-study*, чем качественно написанную статью общетеоретического характера, ведь разработка «высокой теории» – это всегда прерогатива «метрополии».

При разработке оригинальных российских теорий следует избегать соперничества с Западом, доказывая, например, что и у нас был *парламент*. Пусть не везде и не всегда, но был. Такое соперничество – это не что иное, как одна из форм зависимости от Запада, западного образа мысли и западной теории.

В то же время некоторые темы, достаточно широко освещавшиеся западной политической теорией, «отзеркалить» скорее всего придется, во-первых, ввиду их несомненной теоретической важности и, во-вторых, ввиду их важности политической².

Прежде всего, среди таких тем следует назвать «сталинизм», «тоталитаризм», вообще советский период. Эти темы в западном (и перенятом от него российскими «либералами») изложении носят очевидно идеологически нагруженный характер. Как правило, такая идеологическая нагруженность сильно понижает качество исследований. Мне еще несколько лет назад бросилось в глаза, насколько, не побоюсь этого слова, ходульными становятся рассуждения Х. Арндт, когда она переходит от немецкого тоталитаризма к его «советскому» варианту [Арндт 1996]. Причем я убежден, становятся они такими главным образом потому, что Арндт не жила в СССР, т.е. знала о том, что здесь происходило, только понаслышке³. Однако же без погружения в социально-политическую реальность вряд ли можно действительно сказать о ней что-то, стоящее внимания. Или, по-другому, для того чтобы можно было действительно в деталях понять достаточно сложные процессы, происходящие в той стране, в которой ты никогда не жил, необходима развитая теория, однако для того, чтобы такую теорию создать, в этой стране нужно жить. В отсутствие же такой теории суждения «аборигена», даже обладающего очень посредственными интеллектуальными способностями, как правило, будут более глубокими (и потому более ценными), чем суждения интеллектуала, в ней никогда не жившего.

Еще одна большая тема для исследования – развал, крах, коллапс Советского Союза. Сегодня существует масса литературы, посвященной данному событию

¹ При всем при этом лично мне очевидно, что теория демократии в настоящее время действительно переживает период застоя [Швырков 2015]. Возможно, именно российской политологии удастся этот застой преодолеть.

² Термин «отзеркалить» здесь следует понимать в особом смысле. В каком – станет ясно из дальнейшего изложения.

³ На мой взгляд, советский период для западной политологии в принципе неподъемный.

(или периоду), — как российской, так и иностранной. Однако вся она, на мой взгляд, грешит либо поверхностностью, либо однобокостью. Само обилие терминов, обозначающих это событие («крах», «коллапс», «распад», «развал» и пр.), является достаточно очевидным признаком теоретической неопределенности и недостаточности. Как кажется, даже не существует серьезных — действительно серьезных — исторических трудов на эту тему¹ [Кара-Мурза 2001].

Возвращаясь к сказанному несколькими абзацами выше, хочу заметить, что я вовсе не предлагаю обелять Сталина или попытаться обосновать, что тоталитаризм — это «хорошо». Делать нечто подобное — значит идти на поводу «западной пропаганды», т.е., по сути, продолжать двигаться в кильватере соответствующей политологической традиции. Я предлагаю дать нашу, оригинальную политологическую в лучшем смысле этого слова версию соответствующих периодов, эпох и, главное, придумать наши термины для их характеристики, если будет установлено, что в этом есть необходимость — именно в таком смысле следует понимать термин «отзеркалить», который я употребил выше, — как концептуальный ответ, а не просто название черным того, что на Западе считают белым, и наоборот.

Следует заметить, что, возможно, такое отзеркаливание — это только первый шаг. Следующим же шагом будет то, что упомянутые (и некоторые другие) темы просто будут сняты с повестки дня вследствие вновь открывшихся обстоятельств. Под такими обстоятельствами я понимаю появление (частично — в результате разработки как раз этих тем) принципиально нового поля исследований. Возможно, если это будет сделано, это будет величайшим вкладом российских ученых в мировую политологию.

Однако надо четко понимать, что все перечисленное (в т.ч. и отзеркаливание) станет возможным только в том случае, если будет создана оригинальная российская «высокая теория». Без такой теории любые «ответы Западу» будут легковесными, и в лучшем случае будут годиться только для «внутреннего пользования».

Также я хочу предложить одну радикальную меру, которая, на мой взгляд, будет способствовать действительному становлению российской политологии.

В научных публикациях обычно принято на кого-то ссылаться, опираться на какую-то научную традицию. Более того, похоже, сегодня на Западе соответствующее требование стало средством защиты собственного академического рынка².

В статьях и монографиях российских ученых обилие ссылок на англоязычную литературу является показателем их приобщенности к западной академической науке и, коль скоро сегодня реально существует только западная политология, коль скоро «вес» ее чрезвычайно велик, маркером академического статуса.

В то же время постоянная ориентация на некую — пусть и обширную — научную традицию, необходимость постоянных отсылок к западным источникам лишают российского ученого возможности посмотреть на то, что происходит в нашей стране, хотя бы относительно непредвзятым взглядом, буквально связывает его исследовательскую инициативу по рукам и ногам. Возможно, из-за этого он просто не видит того, что происходит у него под носом.

В связи с только что изложенным я предлагаю российским ученым, хотя бы в качестве эксперимента, писать статьи без ссылок на какие-либо источники (кроме, разумеется, первичных материалов — архивных, статистических данных и пр.), а ведущим российским политологическим журналам — публиковать такие

¹ Одной «Советской цивилизации» С. Кара-Мурзы, конечно, недостаточно.

² Об академическом рынке см. ниже.

статьи¹. Возможно, как раз таким журналам и следует выступить инициаторами подобного мероприятия. В частности, можно было бы объявить конкурс на описание нового научного направления.

Хочу, чтобы меня правильно поняли. Речь идет вовсе не о том, чтобы «начать с нуля». Предложенный мною прием имеет вспомогательный характер, главное его назначение – способствовать активизации оригинальной российской политологической мысли.

Естественно, речь также не идет о чем-то вроде «блестящей изоляции», когда российские ученые сознательно отворачиваются от достижений своих иностранных коллег в надежде создать что-то оригинальное. Даже если бы и удалось осуществить что-то подобное, скорее всего все закончилось бы изобретением велосипеда.

В контексте рассмотренного выше можно попытаться оценить призывы интегрироваться в «мировую политическую науку». Ничего не имею против таких призывов, однако предлагаю учитывать следующие два момента. Нужно четко представлять, куда именно предлагается интегрироваться – действительно ли в «мировую политологию» или же все-таки в политологию американскую, и если все-таки в мировую, то какая именно интеграция имеется в виду.

И здесь опять есть два основных варианта. Первый вариант – интеграция на правах «младшего партнера» (это в лучшем случае), второй – с собственным проектом, т.е. с собственным вариантом политологии. Причем не местечковой, состоящей из некоего (пусть даже и обширного) набора *case-study*, а подразумевающей свой вариант «высокой теории». То есть, речь идет о все той же оригинальной российской политологии.

Возможен ли такой проект? А возможна ли была великая русская литература? Или живопись? Или поэзия? Или философия? При том, что существовали и существуют другие великие литературы, поэзии, философии – английские, немецкие, итальянские, французские, китайские и т.д.? Здесь, как всегда с великими свершениями, – не узнаешь, пока не свершишь.

Еще несколько важных моментов.

Как уже говорилось, Запад защищает свой академический рынок, в частности рынок академических публикаций. Пробриться на него чрезвычайно трудно – для этого нужно стать либо полностью «своим» для западного академического сообщества, либо опять-таки принять совершенно подчиненную роль, часто – чуть ли не стать агентом западной пропаганды. В любом случае соотношение «затраты – выгоды» явно не в пользу российских ученых (можно было бы упомянуть здесь И. Валлерстайна с его теорией центра и периферии мир-системы, однако, коль скоро я решил сам и призвал других не увлекаться цитированием западных авторов, воздержусь). Те усилия, которые они тратят только на то, чтобы просто оказаться «допущенными» в западное политологическое сообщество, с лихвой хватило бы на то, чтобы «поднять» российскую политологию до «мирового уровня». Я уже не распространяюсь насчет того, что сегодня объем научной литературы таков, что исследователю проще получить заново те или иные результаты, чем найти их в уже вышедших публикациях. К тому же не следует забывать и о том, что сегодня у большинства российских ученых банально нет доступа к современным западным публикациям.

Выход из этой ситуации я вижу один: развивать свой, внутренний политологический «рынок» (можно и без кавычек). Причем развивать его без оглядки на Запад, в частности на Америку, не соревнуясь с ней и не обезьянничая.

В чем надо отдать Западу должное – это в умении поставить себя в «центр

¹ Сам я в этой статье ограничился лишь минимальным цитированием как раз по указанным причинам.

мироздания» и не обращать ни на кого внимания. Думаю, на современном этапе это свойство нам бы очень пригодилось.

Короче говоря, зачем заниматься политологией, в которой мы все равно в обозримом будущем будем на вторых (а то и третьих) ролях и которая, по большому счету, в значительной своей части для нас совершенно чужда и, главное, бесполезна, когда наша собственная политическая реальность и политическая история даже последних 30 лет дает настолько обширный материал для исследований, что его хватит на несколько поколений ученых и философов. Причем результаты этих исследований, пусть часто и не особенно выдающиеся, наверняка будут и актуальными, и востребованными.

Наш внутренний интеллектуальный рынок страдает от хронического недостатка собственных теорий, ненасыщенности качественными теориями отечественного производства. Теоретическая сеть, «покрывающая» нашу политическую реальность, сегодня чрезвычайно редка.

Поэтому, возможно, пора начать говорить об импортозамещении не только в сфере сельского хозяйства или военных технологий, но и в сфере интеллектуальной, в частности политологической.

Список литературы

- Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом. 672 с.
Кара-Мурза С.Г. 2001. *Советская цивилизация*. В 2 кн. М.: Алгоритм.
Швырков А.И. 2015. Теория демократии как аналог научно-исследовательской программы. — *Полития*. № 3. С. 37-49.

SHVYRKOV Aleksandr Ivanovich, *Cand.Sci.(Philos.)* (Bryansk; aishvyrkov@rambler.ru)

RUSSIAN POLITICAL SCIENCE: MYTH, REALITY, POSSIBILITY?

Abstract. *The paper explores the problem of the possibility of political science existence as a supranational project. The author attempts to justify the statement that today only national political sciences exist and that the most advanced of them is American one. Supranational political science can arise only in the process of synthesis of national political sciences. Russian political science today is at the initial stage of its development and what is more, one usually call the Russian political science actually the American one. Under these circumstances, the effectiveness of modern political science theories in Russian conditions is questionable and Russian political scientist's ability to integrate into the world political science is negligible.*

Keywords: *political science, philosophy, national political sciences, American political science, Russian political science*
